Когда рано утром Джейн услышала, что Чудовище поймали, она была в восторге. Наконец-то! Наконец-то она смогла отважиться на выход после захода солнца без страха. И как раз к летнему солнцестоянию. Она решила, что в этом году пригласит Рассу на танец. Она весь год репетировала с матерью, чтобы не выставить себя дурой, когда придет время. Фалла танцевала с ним во время последнего солнцестояния, и многие делали им комплименты. Движения Рассы были элегантны, как и благородные придворные, которые они провозглашали, несмотря на то, что очень немногие из них видели таких мужчин.

Но на этот раз? На этот раз они бы сделали ей комплимент, она была полна решимости.

Однако, несмотря на ее облегчение, было и любопытство. Что так долго мучило их город? Как это выглядело? Это был человек? Он был таким же умным, каким его теоретизировали Охотники? Правда ли, что он питался... кровью? Это было просто невозможно. Правда?

Джейн оделась на день и направилась к дому Доктора в надежде, что она сможет увидеться с Расой до того, как отправится в сад на день. Последние несколько дней ему было плохо, ужасный грипп, как сказал Доктор. Он позаботился о том, чтобы никто, кроме родителей, его не увидел, и даже тогда им разрешили только короткий промежуток времени для посещения. Единственное, что Джейн смог услышать, это то, что он был прикован к постели, что не сулило ничего хорошего.

По дороге Джейн заметила Филиппа и Анну, когда они тоже подходили к Доктору.

Она помахала им и поспешила: "Как сегодня Расса, вы его видели?"

Анна улыбнулась, а Филлип покачал головой: "Мы уже едем". Надеюсь, он лучше, чем вчера".

Джейн кивнула: "Не возражаешь, если я присоединюсь?"

"Конечно", - сказала Анна, прежде чем Филипп успел протестовать. Джейн всегда видела отца Расса довольно тихим и уединенным. Он был хорошим человеком в целом, но были некоторые его части, которые Джейн чувствовал, что он никогда не даст о себе узнать.

Они втроем вместе подошли к дому Доктора и, приблизившись, заметили, что на улице растет толпа. Шёпот дотянулся до ушей троих из них, и они остановились на своих путях.

"Он был монстром? Так ужасно".

"Это правда! Боже мой, я не могу в это поверить."

"Доктор довольно проницателен, чтобы подумать об этом инциденте три года назад."

"Как никто не мог заметить изменений?"

"Конечно, его родители знали".

"Боже мой, вот они, думаешь, они уже знают?"

Все затихли, когда Филиппа и Анну заметили, а потом толпа рассталась с рыцарем Капитаном Джеймсон и Доктором, стоявшими рядом с железной клеткой на специально изготовленной тележке. Сама клетка была не больше той, что использовалась для волка, но не клетка шокировала Джейн до глубины души.

Это был мальчик внутри нее.

Расса.

Он был раздет на рубашку, полностью отображая свои черные линии жизни. Его черные волосы спустились прямо за плечи, и его бледная кожа сильно контрастировала с ним. Его глаза были закрыты, и он сидел в клетке почти комфортно, но то, что напугало всех, свидетельство того, что Доктор и Рыцарь-Капитан были намерены использовать, было следы крови со стороны рта вниз по подбородку.

Он был высушен и затемнен, но в мире не было сомнений, что это была кровь.

Джейн прикрыла свой рот в шоке, "Расса".

Он только шептал, но Расса слышал это. Он учуял ее до этого, но хотел, чтобы она поняла это первой. Понять, кто он такой. Солнце обжегло его глаза, и он поднял руку, чтобы прикрыть их, когда смотрел на нее и на родителей, стоявших сзади, - смесь шока и боли на их лицах.

Увидев движение, те, кто стоял вокруг клетки, отступили назад. Их сердечные приступы усилились, они испугались Его. Они были в ужасе от одной лишь мысли о том, на что он способен, о том, что он уже сделал. В конце концов, Доктор и Джеймсон держали мёртвого кролика, словно трофей.

"Видишь! Такое ужасное зрение днём, поэтому он мог охотиться только ночью!" - кричал Доктор над толпой.

Расса проигнорировал его, его глаза устремились на Джейна и его родителей. Его взгляд смягчился, когда он пытался показать им свою искренность. Что ему жаль, что все так обернулось.

"Такое чудовище, его величайший камуфляж - это быть в теле ребенка! Если он вырастет взрослым, какое разрушение он тогда может вызвать? Какой он риск для нашего скромного и безопасного образа жизни?" спросил Доктор.

"Убейте его!"

"Да!"

"Повесить его!"

Как только начались крики и джинсы, они не остановились. Расса почувствовал первый камень на спине, прямо на его спасательных путях. Он ударил по металлу, проходя сквозь прутья, повредив ему уши звуковым звоном.

Расса вздрогнул от удара и свернулся в сторону от прутьев, но не остановился. Камни, гнилые фрукты и овощи, даже навоз. Они бросили все это в него, и он был вынужден вынести это.

Пока его отец не наступил перед ними.

Они делали паузу, шокировали, что кто-то так близко подошел.

"Филипп, что ты делаешь?!"

"Расса", - позвонил Филлип, игнорируя предупреждения окружающих, - "Расса, ты в порядке?"

Несмотря на голод, который мучил его, Расса вздрогнул на отцовскую сторону клетки, только для того, чтобы вздрогнуть от звона металла на металле, как Иаковон ударил своим мечом по железным прутьям.

"Не думай, мальчик!"

"Прекрати, он не причинит мне вреда", - прорвался Филипп через клетку.

"Не надо, отец", настаивал Расса, его голос резал всех, как нож. Его взгляд затвердел, когда он обратил свой взгляд на Рыцаря Капитана: "Я был голоден, и они были достаточно добры, чтобы впустить кролика в комнату". Я провёл двенадцать ночей без еды, чтобы они могли отплатить мне, засунув меня в клетку. Если мне придется жить здесь до конца жизни только потому, что они настолько глупы и горды, что засунули в клетку мальчика, который немного отличается от меня, чтобы все боялись и издевались над мной, как над монстром, пусть так и будет".

Затем Расса повернулся к своему отцу: "Но я не сломаюсь. Обещаю. Не к ним. Так пообещай

мне, что ты тоже не сломаешься".

Филлип видел убеждение в глазах сына, неразговорчивые слова. Не позволяй им заполучить и тебя тоже.

Филлипу было все равно.

Он обратился к Доктору и Иаковену: "Ему нужна лишь эквивалентная чаша крови каждый день, как только он наполнится. Тогда он функционирует так же, как и все остальные". Он никогда не брал крови у человека, и когда он убивал до того, как оплакивал каждую смерть. Он не был рожден таким образом, он был вынужден стать таким после того, как был заперт в пещере с очень темными и злыми сущностями. За те три года, что он был таким, он полностью контролировал свои действия, и я верю, что если бы ему было позволено жить в мире, он попытался бы причинить боль другой душе, если бы это было необходимо. Как и все здесь. Но вы все равно назовете его монстром. Так что, когда мой сын, монстр, наконец, освободится от тебя. После того, как ты моришь его голодом и развозишь по округе к каждому дворянину при сыне за вознаграждение за развлечения, я надеюсь, какими бы богами он ни был, что он решит, что твоя жизнь стоит больше, чем его годы стыда и унижения. Я очень сомневаюсь, что он вас так осудит".

Затем, к удивлению всех присутствующих, в том числе и Расса, Филипп подошел к клетке, поднял рукав и просунул руку через перекладину.

"Выпей, я знаю, что тебе это нужно".

"Нет", - сказал Расса, отвернувшись.

"Расса, - предупредил Филипп, - и Расса медленно повернулся назад, чтобы посмотреть на своего отца, - все в порядке". Выпей".

Расса посмотрел на всех присутствующих, на все испуганные глаза и порочные улыбки. Потом он посмотрел на мать и Джейн, которые все еще были заморожены там, где она стояла.

В конце концов, глаза Расса устремились на его отца.

"Пей".

Расса хотел сказать "нет". Он очень, очень хотел этого. Но он был так голоден. Любое облегчение подошло бы. Расса осторожно дотронулся до руки отца, а потом открыл рот.

Толпа отодвинулась, задыхаясь и крича, когда клыки Расса вытянулись из десен, а потом, когда глаза у него поднялись, и слезы упали, Расса осторожно вонзил клыки в руку отца.

Филипп замер, паралитик активизировался, он побеждал от боли, хотя и делал все возможное, чтобы не дать сыну замерзнуть. Расса знал, что отцу больно, и через минуту он отступил и осторожно облизал руку отца, прежде чем вытолкнуть его из решетки, чтобы он не вернулся за добавкой.

Филипп упал на землю, голова кружилась, когда паралитик начал изнашиваться, и боль усилилась.

Расса свернулся на себе, и люди стали свидетелями того, как его раны, полученные через брошенные камни, быстро зажили, заменилась бледной кожей и твердыми черными линиями жизни. Плечи Рассы дрожали, и звук детских рыданий отчетливо прорывался сквозь толпу.

В тот момент никто не знал, что делать.

http://tl.rulate.ru/book/35396/859982